
Мне
любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила —
уплыла.
Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
не двадцать, —
тридцать...
с хвостиком.
Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьею,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.
Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,

что опять
 в работу пущен
сердца
 выставший мотор.
Вы
 к Москве
 порвали нить.
Годы —
 расстояние.
Как бы
 вам бы
 объяснить
это состояние?
На земле
 огней — до неба...
В синем небе
 звезд —
 до черта.
Если бы я
 поэтом не был,
я б
 стал бы
 звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
 стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
 авто
 по улице,
а не свалят наземь.
Понимают
 умницы:
человек —
 в экстазе.
Сонм видений
 и идей
полон
 до крышки.
Тут бы
 и у медведей
выросли бы крылышки.
И вот
 с какой-то
 грошовой столовой,
когда
 докипело это,
из зева
 до звезд
 взвивается слово
золоторожденной кометой.

Распластан
 хвост
 небесам на треть,
блестит
 и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
 на звезды смотреть
их ихней
 беседки сиреновой.
Чтоб подымать,
 и вести,
 и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражь
 голова
 спиливать с плеч
хвостатой
 сияющей саблей.
Себя
 до последнего стука в груди,
как на свиданье,
 простаивая,
прислушиваюсь:
 любовь загудит —
человеческая,
 простая.
Ураган,
 огонь,
 вода
подступают в ропоте.
Кто
 сумеет совладать?
Можете?
 Попробуйте....

1928